

ЛИАНА
АРБЕНИНА

СНЕЖНЫЙ
БАРС

Диана Сергеевна Арбенина
СНЕЖНЫЙ барс
Серия «Диана Арбенина.
Книги в самое сердце»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62782797
Снежный барс / Диана Арбенина: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113612-3

Аннотация

«Господи, как же я тоскую по тебе... Всепоглощающая тоска такой силы и глубины, что мне постоянно не хватает воздуха. Сделав вдох, я забываю, что нужно сделать выдох. Как восьмидесятилетний старик, я хватаюсь за край стола и жду, когда пройдет очередной приступ отчаянья».

Огромное количество людей ждет новую книгу Дианы Арбениной. Ведь Арбенина никогда не делает ничего просто так. Будь то новый альбом, концертное многотысячное шоу или книга – это всегда то, чем дышит сама Диана. «Снежный барс» – сборник новейших рассказов, стихов и текстов песен.

Каждое спетое и написанное слово попадает в самое сердце.

Каждый рассказ – это история, которая, возможно, закончится не так, как вам бы хотелось, но разве в жизни не так?

Каждое слово здесь тщательно подобрано так, чтобы вы почувствовали кожей, как Диана берет вас за руку и приглашает в свой мир. Здесь прольются слезы, душу вывернет наизнанку, на вас обрушится вал эмоций.

Добро пожаловать в мир «Снежного барса»!

Содержание

Рассказы	7
снежный барс	7
он она они	32
она	32
он	42
они	50
гречневые	55
давайте почитаем данте	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Диана Арбенина

СНЕЖНЫЙ барс

© Арбенина Д. С., текст, 2020

© Сильченко Д. Ю., обложка, макет, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

вот я – крошечный человек созданный по подобию Бога.

вот я – оцепеневший после холода бесконечной зимы.

вот я – с баллоном кислорода за плечами и надеждой на любовь.

*вот я – робкий и нежный с сердцем которое хочет жить.
вот я – открывающий дверь за которой бесконечное небо.
вот я – рвущийся на части от винограда детских слез.
вот я – рожденный на севере и познавший юг.
вот я – распростертый на земле увитой лозой и плодами*

растений.

*вот я – бесконечный крошечный человек созданный по по-
добию Бога —*

смотрю туда где ты ждешь меня.

и лето между нами набирает обороты.

endlessly.

лето 2020

Рассказы

снежный барс

Я родился там, где снег острый, как ледяной нож, а мороз застывает в горле и покрывает небо инеем. Мне повезло: я был рожден в теплом вакууме из шерсти, и холод – это то, чего я никогда не знал все годы, проведенные на земле. Точнее, на снегу.

А еще была ты. Ты первая назвала меня по имени. Ты первая позвала меня, произнеся мое имя вслух. Помню, услышав его, я поморщился – такое сладкое, даже приторное слово. Чтобы меня – отважного, свободного, гордого зверя – так звали? Ну нет. Ни за что не стану отзываться. Но ты настаивала. Ты звала и приглашала, а я любил все слова, которые ты произносила.

И я ответил. А потом привык. А потом влюбился в свое имя. А потом стал ждать, когда ты опять позовешь меня, а я делано хмуро качну головой и, аккуратно ступая на своих, странным образом оставшихся детскими, лапах, поднимая их по очереди и чуть закругляя на манер скрипичного ключа, вразвалочку, с замирающим от нежности сердцем, поплыву к тебе.

Я всегда боялся тебя сломать. Всегда боялся тебя повре-

дить. И когда ты просила обнять тебя так, чтобы хрустнули все косточки, я делал вид, будто напрягаюсь изо всех сил, демонстрировал свои мускулы, нежно пыхтел, но никогда не обнимал так сильно, как мог и хотел.

Я о многом жалею. Я не обнимал тебя так сильно, как мог, я не говорил тебе о любви так часто, как хотел, я не погулял с тобой по склонам наших гор. Мы редко танцевали, а еще я не подарил тебе нашего сына, о котором ты мечтала, о котором мы вместе мечтали, но постоянно было много работы и планов, как будто рождение детей предполагает полный вакуум в жизни.

В общем, мы не успели. И сейчас, после твоего ухода, я остался абсолютно один и знаю, что буду тонуть в своем беспросветном одиночестве до конца дней.

Я не знаю, кто скинул тебя с нашей скалы. Говорили, ветер. Говорили, люди. Говорили, волки. Говорили, ты сама. Но я-то знал тебя лучше всех. Сама бы ты не прыгнула. Ты боялась боли, боялась крови, боялась всего, что может сделать тебя уродливой. Да к тому же зачем тебе было убивать себя? Ты чувствовала свою красоту, ты была счастлива. Никаких скелетов в шкафу, психоаналитиков, слез по ночам, болезней и тайных страданий. Ни одной причины свести счеты с жизнью.

У тебя не было врагов. Тебя не могли убить. Тебя любили все. Ты умудрялась жить, балансируя между племенами

хищных зверей, и даже люди испытывали к тебе молчаливое уважение. Так что это было не убийство.

Я думаю, тебя снес ветер. Ударил в спину, ты споткнулась, оступилась и улетела вниз. Самое хрупкое, нежное существо на земле – моя девочка, моя косуля.

Перегретый запах хлеба и кофе в «Старбакс». Светло-коричневые, испещренные царапинками столы и не подходящие к ним стулья и диваны. И так в каждой кофейне каждого города каждой страны. И везде стойкое ощущение, что мебель сюда свозили, чуть ли не по дешевке купленную на блошином рынке. А может, была просто идея сделать хипповскую бестолковую большую комнату, в стиле «нам в принципе пофиг на стиль». Нам важно хором пробубнить: «Здравствуйте» и «Скажите, как вас зовут».

Я люблю «Старбакс». Я покупаю кофе, но не пью его здесь, а, как миллионы людей, уношу с собой. Подойдя к стойке, я всегда заказываю два стаканчика. «Double espresso for me and double macchiato for my girlfriend». – «What is her name?» – «К». – «What?» – «К – big letter К». – «Oh, yes, sir, I gotcha».

Как будто он что-то понял. Смешно. И вообще не смешно. Куски мозаики современного формализма, пропитавшего мир, несущийся в пропасть. «Как зовут вашу девушку?» – «Ее зовут заглавная буква К». – «А, хорошо, понял». Что ты понял? Что ты мог понять? Так не зовут людей. Ты же

это понимаешь, надеюсь? Побег нашей так называемой толерантности и стремление быть открытыми большому миру. К так К, В так В. Какая, в принципе, разница. Важнее высколенный тон и зеленый передник с непрременной черной бейсболкой.

Я люблю «Старбакс». Больше всех остальных кофешопов в мире. И весь мир любит «Старбакс» больше всех остальных кофешопов в мире. И их разномастные диваны, кресла и обшарпанные столики тоже. Я люблю стоять у стойки и наблюдать, как люди намного моложе меня готовят кофейные смеси, включают пар, жонглируют пакетами соевого молока и плюхают лед в прозрачные стаканы с лого. Меня успокаивает их работа и делает десять минут моего времени осмысленными. Но как только я получаю два стаканчика нефти и толкаю входную дверь, где бы я ни находился, на меня накатывает зима, и порыв ветра заставляет прикрывать глаза. Я опять один. Один в мире. Никому не нужный. Никому не интересный. Никем не любимый. И несмотря на все прелести уюта желтых ламп и плакатов с видами Африки на стенах, этот ловкий и равнодушный парень в бейсболке ни черта не понял, ни черта не вник, мгновенно согласившись с нелепым недоименем, состоящим из одной буквы. Ну, конечно, у него же потоки таких, как я, но он даже не удивился и уж точно не запомнил меня.

Господи, как же я тоскую по тебе... Всепоглощающая тоска такой силы и глубины, что мне постоянно не хватает воз-

духа. Сделав вдох, я забываю, что нужно сделать выдох. Как восьмидесятилетний старик, я хватаюсь за край стола и жду, когда пройдет очередной приступ отчаянья. Ко всему этому то и дело непонятно откуда просачивается твой запах. Твой. Запах. Куда бы я ни шел, где бы ни находился, вдруг, неожиданно, как удар под дых, возникает твой запах. Иногда мимолетно, иногда он остается на какое-то время, бывает, даже на пару часов, и мир становится ирреальным вместе с недоумевающим собеседником, сидящим напротив. Недавно я понял, что источник твоего запаха – я сам. Он поселился во мне, а температура тоски раскаляет докрасна твои молекулы, оставшиеся в порах моей кожи, под пластинами ногтей, в волосах, везде, где ты касалась меня, выцеловывая каждый миллиметр моего тела, проникая ручьями своей слюны мне под кожу, сочась в меня в каждую нашу близость. Все это никуда не делось, не смылось душем, морями и моим собственным потом. Я – носитель твоего запаха. Я сам – его источник и провокатор. Бежать некуда.

Я давно перестал думать большими сложносочиненными предложениями. Я стал суше. Мир стал лаконичным. Язык стал конкретным. А жизнь предельной. Ты ушла, и я оказался в потоке бесконечного времени, несущегося на меня лавиной, не оставляющей никаких следов, кроме морщин на коже. Все несется вперед вместе со мной неизвестно куда, а главное, неизвестно зачем. Я ношу дырку в груди размером с пушечное ядро. Она настолько реальна, что порой я не

рискую переодеться в общих раздевалках на корте или когда прихожу в бассейн. Я иду в туалет и там, корчась от боли, прижимая ладонь к груди, вполне ощутимо чувствую круглое отверстие, как в детском камушке под названием «куриный бог». Отверстие идеальной круглой формы, и никаких ошметков плоти, крови, сухожилий по краям. Я беру себя в руки и, прыгая на одной ноге, влетаю в плавки и в шорты. Затем, стараясь не касаться стенок кабинки, натягиваю идеальные белые носки и ослепительно-белую футболку. В конце своей тоски по тебе я во всем идеален и во всем стерилен. Мое пребывание на земле до того аккуратно и формально, что я бы не удивился, узнав, что вообще не оставляю следов пребывания.

Я постоянно жду тебя. Ждать того, кто уже никогда не придет, и понимать, что смысл твоих дней только в этом ежедневном ритуальном чувстве, – катастрофа всей жизни. Что бы ты ни делал, как бы ни пытался переключить себя и нырнуть в новое русло, ожидание преследует и напоминает о себе каждым бряцаньем колокольчика на входной двери. Опять не ты...

Я не любил драться, когда был подростком. В отличие от многих других зверей только защищался. Не трус, но и не герой-вояка. Мое детство не отличалось разнообразием пейзажей. Снежные склоны, ледяные пики, ломкий наст, ветер, гудящий в ушах, когда бежишь вниз по вертикали, и мертвое

стерильное голубое небо, висящее капюшоном. Я создан из снега и крови и, где бы теперь я ни жил, куда бы ни бежал от себя и своей памяти, мне везде мерещится самое начало бури, которая делила мою жизнь на времена года, а лапы покалывают ледяные иглы, в какой бы жаркой стране я ни находился.

Они пришли и сказали: «Держись», и по их лицам и тону я понял. Я сразу все понял.

Откуда я знал? Я не знал. Достаточно было услышать металлическое «держись», и никаких иных вариантов в голову прийти не могло. Я спросил: «Где?» – и вышел за ними следом.

Мы бежали вечность. Стояли ранние сумерки, и это отчасти облегчило путь. Лапы ныли, и в такт прыжкам обмирало сердце. Я, по-моему, даже не дышал, превратившись в гибкий, тяжелый вектор движения. Я ни о чем не думал. В тот момент, в последний момент моей счастливой жизни, я был идеальным прототипом неживого существа с искусственным интеллектом, помещенным в тело зверя, выполняющего команды того, кто никогда не откроет своего лица и не назовет своего имени.

Ты лежала на снегу около черного валуна, покрытого льдом. Судя по следам, ты упала на него, ударилась головой и, потеряв сознание, сползла в снег. Никаких следов, кроме твоих, ни на склоне, ни внизу не было. Когда тебя нашли, ты уже застыла. В тот год была жесткая холодная зима, и мо-

розы в феврале держались декабрьские. Им аккомпанировал ледяной пронизывающий ветер, шквальные порывы которого и снесли тебя со скалы. Все было прозрачно, кроме одного обстоятельства: что ты делала на нашем месте, так далеко от дома, в абсолютно заурядный февральский день? Почему ты там оказалась? Для чего взбиралась по склону, подгоняемая ветром, сбивающим с ног, и морозом, кусающим твой детский нежный живот? Я не знаю. Они задавали вопросы, много раз одни и те же вопросы, ответа на которые у меня не было. Я мог только предполагать. Вариантов было несметное количество. О да, мы были предельно близки, но ты оставалась для меня самым таинственным существом, и я никогда до конца не знал, что происходит в твоей невероятной пленительной голове. Ты решила побыть одна? С кем-то должна была встретиться? Но здесь? У тебя что-то случилось, и, прежде чем рассказать мне, ты решила обдумать это? И, наконец, ты решила сбежать?

Как ни странно, я склонялся именно к такому ответу. Несмотря на то, что тебя окружала безгранично счастливая жизнь, без тени сомнения и облака грусти, я был уверен, что ты пришла попрощаться со мной. Ты пришла на наше место просить прощения за то, что уходишь, за то, что бросаешь меня, зная, как сильно я тебя люблю. Ты пришла выплакать свое горе, понимая, что обрекаешь на него нас обоих. Ты просила, чтобы я простил тебя, в то же время зная, что на всю жизнь делаешь меня несчастным. Ибо больше всего мы

несчастливы, когда не знаем ответа на вопрос «почему». Когда мы не понимаем. Когда нам не объясняют, а сразу бьют.

Почему в феврале? Почему ты не решилась весной или летом? Весна проложила бы тебе дорогу на юг, и бежать было бы проще и безопасней. Судя по всему, тебе было не до выбора времени года. Возможно, для тебя в тот момент наступил предел, и вопреки здравому смыслу и твоему стремлению к комфорту ты, очертя голову, бросилась на скалу, где тебя догнал порыв ветра, и все случилось. Тебя не стало.

Похоронив тебя, я заболел. Болезнь не отпускала меня до конца апреля. Три месяца над моей головой была только узкая полоска света, которая менялась в зависимости от времени суток. Когда я первый раз поднялся и увидел в луже свое отражение, то обомлел. На меня смотрело высохшее, обтянутое кожей, лицо человека. Я перестал быть зверем и превратился в худого мужчину средних лет со впалыми, глубоко посаженными серыми глазами. Первым делом я взял нож и состриг шерсть, ставшую свалаявшимися волосами. Потом дополз до горной реки и помылся в ней. Холода, как уже говорил выше, я не чувствовал. Разве что ледяные покалывания в груди и в спине.

То, что я стал человеком, меня не пугало и даже не изумляло. Я погиб с тобой и возродился в иной плоти. Чему тут было удивляться. К тому же ежедневные насущные дела не позволяли мыслям пускаться в дикий, изматывающий нервы

хоровод. Мне предстояло учить себя жить заново, заново ходить, учиться есть другую еду и вести себя сообразно новому облику. У нас не было родных и друзей. Некому было ни скорбеть о тебе, ни удивляться новому мне. Это было очень кстати. Когда в первые дни и ночи я выползал на улицу, меня окружал только воздух, настоянный травами и солнцем. Ночами, когда тоска по тебе сжимала грудь, я выл на луну, которой было все равно, кто я и как меня теперь зовут.

В начале лета я спустился с нашей горы и поселился в маленьком швейцарском городе. В нем были одна церковь, одно почтовое отделение, одно озеро, один банк, один теннисный корт, один «Старбакс», один дорогой ресторан и много баров. Я работал грузчиком и сторожем. Читал газеты и знакомился с миром людей. Через год я окреп и даже научился с ними разговаривать. Это было не сложно: люди поверхностны.

С ними всего лишь нужно уметь быть вежливым и приветливым. Я полюбил виски, и у меня появился любимый бар, где я сидел, подолгу уставившись в телевизор, с его помощью изучая мир, обычаи и повадки людей. Жизнь была ровной и абсолютно одинаковой из года в год. И вот еще что: я научился улыбаться. Сначала моя улыбка была оскалом и пугала людей. Постепенно черты лица смягчились, кости стали мягче, и теперь я улыбался как те, кто улыбался мне. Смеяться я не умел. Для людей я оставался странным парнем. Поддерживать беседу не мог, мне не хватало словарного запаса.

К тому же я постоянно удивлялся, когда слышал свой голос, поэтому выражение лица всегда имел чуть настороженное, как человек, который говорит и поражается тому, что слышит. Я был симпатичным, худым и мускулистым. Мужчины ценили меня за трудолюбие и немногословность. Я мог работать сутками, усталости не чувствовал, был выносливым и аккуратным в работе. Девушкам я нравился, и они оказывали мне знаки внимания.

В баре, где я проводил вечера, свободные от работы, за стойкой работала дочь хозяина. Она угощала меня жареной картошкой, наливала пиво, а первое время после гор вообще кормила. Я ей нравился. Она мне тоже. С ней было хорошо молчать и смотреть телевизор.

Я любил время, когда бар закрывался. Марис включала старые фильмы, и мы вместе их смотрели, замороженные тем, что происходило на экране. Я мог смотреть несколько фильмов подряд, мне бесконечно был интересен мир людей, который я быстро впитывал, запоминая жесты, поступки и характеры главных героев. Марис поражалась моему невежеству. Это отчасти забавляло ее. «Крестного отца» ты, конечно же, смотрел? – спрашивала она меня, иронично улыбаясь. – Не-е-ет? Да ладно? Ты меня разыгрываешь!» «А Джек Николсон тебе нравится?» «Ты что, не знаешь, кто такой Брюс Ли???» К тому моменту она поняла, что я вообще ничего не видел, и подтрунивала надо мной при каждом удобном случае, а случаев была масса. Я был абсолютно чи-

стым листом, на котором даже не знал, как расписаться. Когда Марис узнала, что я не умею писать, она осторожно поставила пивную кружку, которую мыла, на стойку и сказала: «Да, судя по всему, тебе здорово досталось». После этого случая она научила меня читать и заставила выучить французский и английский.

Марис относилась ко мне как к другу, романтическими отношениями наше общение было не назвать. И каково же было мое удивление, когда как-то ночью я услышал стук в дверь. Я уже спал и думал, мне почудилось. Никто никогда не заходил ко мне. Я натянул джинсы и как был приоткрыл дверь. На пороге стояла Марис. Она шагнула ко мне и начала целовать. Я почувствовал, как у меня встает, мы легли на мою еще теплую простыню, и я взял ее.

Я никогда бы не решился сделать это сам, и даже в тот момент, когда проникал в Марис и слышал ее стоны, не верил, что способен быть с кем-то, кроме тебя. Мы стали встречаться. Марис была открытой и позволяла мне делать с ней все, что я хотел. Я купил проигрыватель, и она каждый раз приносила новую пластинку. Мы проводили в постели несколько часов. Секс был легким и повторялся по два-три раза. Я был ее первым мужчиной. Она давала мне почувствовать, что я хорош, и заботилась обо мне. Я был на пике, она отвечала тем же.

Через год она забеременела и родила длинноногую девочку с зелеными, как подорожник, глазами. Когда я первый раз

взял ее на руки, от тоски по тебе у меня закружилась голова. Ты вернулась и смотрела на меня из крохотного создания, лежащего в моих руках, на секунду превратившихся в лапы зверя. Девочка была вылитым олененком Бэмби. Блестящие огромные глаза, маленькие розовые ушки на круглой головке, покрытой темным пушком, щебетание на космическом языке и безостановочное движение ручек и ножек с розовыми гладенькими ступнями. Наш не рожденный малыш, наш не построенный дом, наша не прожитая жизнь, наша не разделенная на двоих смерть. Что я здесь делаю? Почему я не в своем теле? Куда мне бежать? Где мне искать тебя? Как мне перестать тебя любить?

Первые годы после рождения Вивьен мы не жили вместе. Каждую ночь я уходил к себе и утром возвращался. Марис ни о чем не просила, ни о чем не спрашивала, казалось, она понимает обо мне то, что я не могу произнести вслух. Я был ей верен, и она знала это. Почему я такой, я не мог объяснить, даже если бы захотел. Я зарабатывал и обеспечивал своих девочек. Марис уже не работала, а постоянно находилась дома с Виви. Имя дал ей дедушка. Я не возражал и был благодарен этой семье за то, что они не задали мне ни одного вопроса про мое прошлое. Само собой, их не могло не интересовать, откуда я и кто мои родители, но такт этих людей был невероятный. Я могу сказать, что любил и люблю их той земной благодарной любовью, которая только и может быть между людьми.

Почему люди срываются с насиженных мест, почему оставляют дома, почему стремятся туда, где их никто не ждет и надо начинать заново? Возможно, причиной охота к перемене мест, которая живет в сердце каждого человека в большей или меньшей степени. Неизвестное манит нас своей перспективой и тайной, заставляя идти на риск лишений. С младенчества, сделав первые шаги, мы стремимся дойти до порога, который обязательно нужно перешагнуть. Перешагнув порог, мы стремимся перейти улицу. Перейдя на другую сторону улицы, мы пересекаем город, а за ним города, страны и континенты. Мы неутомимы в желании исследовать и расширять. Однако с годами в нас угасает этот инстинкт. Мы становимся оседлыми и начинаем возделывать свой маленький кусочек земли, заменивший нам целый мир. Но далеко не все. Некоторые рождены, чтобы искать всю жизнь, делая остановки только для того, чтобы накопить силы идти дальше.

Ты принадлежала племени вечных путешественников романтиков, поколению битников, о которых так точно и красочно писал Керуак. Но откуда мне было это знать? Ты никогда не проявляла интереса к другим землям. Наверное, если бы ты решилась открыться и сказать мне прямо, что хочешь уйти, я бы постарался тебя понять. Мне было бы больно, но я всегда доверял тебе и, наверное, понял бы, что тебе необходимо двигаться дальше без меня, что так может случиться

между теми, кто был и остался по-настоящему близок. Мы бы расстались и знали бы, что есть друг у друга, даже находясь в разных местах планеты.

Но ты решила сбежать и погибла. И ветер – это чудовищное досадное недоразумение – все сделал необратимым. Ты погубила не только себя, но нас. Все эти годы я задавал себе единственный вопрос: почему ты боялась открыться? Какова была причина этого страха? И, несмотря на огромное количество версий, остановился на одной-единственной: твой побег был порывом. Таким же порывом, как порыв ветра, погубивший тебя.

Когда моей дочери исполнилось 12 лет, я взял ее скуластое лицо в свои ладони, приблизил к своему и сказал: «Бэмби, мне нужно уехать. Я не знаю, вернусь или нет. Я хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя и что я стал по-настоящему счастливым только один раз – когда ты появилась на свет». Она внимательно слушала. «Я улечу на другой континент. Напишу вам с мамой, когда пойму...» Она положила свою ладонь на мою и сказала: «Папа, я думала, ты сделаешь это раньше. Я видела, как тебе тяжело быть в теле человека. Я знаю, кто ты». В изумлении я смотрел на нее, не мигая и очень внимательно. «Я догадалась давно, еще когда была маленькой и мы катались на лыжах в горах. Я видела твое лицо и всегда знала, что в горах твой дом и то, что ты навсегда потерял. Ты очень хороший, папа. Но тебе нужно уехать. Твое время с нами подошло к концу». Я заплакал. «Пап, не плачь.

Во мне течет твоя кровь. Если тебе станет плохо, я почувствую и найду тебя». Она обняла меня. «Не забудь взять наши талисманы и еще забирай мой перочинный ножик». «Вивьен...» – сказал я. «Для тебя я Бэмби, папа, – улыбнулась она. – Дай мне слово, когда мы встретимся в следующий раз, даже если это будет в другой жизни, ты откроешь мне тайну и скажешь, каким ты был зверем». Она провела ладонью по лицу так же, как любил делать я, когда мне было особенно тяжело, помолчала и добавила: «Хотя, мне кажется, я и сама знаю. Но это же исключительно вопрос доверия, да?»

После разговора с Вивьен я купил билет на ближайший рейс в Нью-Йорк и майским утром 2029 года оказался здесь. Я долго петлял по Сохо. Приятный, чуть snobbish район самого одинокого города в мире. Подумать только, сколько городов, о которых мы мечтали, так и не стали нашими. Захлопнулась дверь, и я оказался в клетке один на один с миром. Его не с кем делить, о нем некому рассказать, на него некому пожаловаться. Так много лет он лежал передо мной, источая ароматы возможностей, а я боялся сделать первый глоток. Бруклинский мост и 8-я Авеню, греко-римская церковь с холеными попрошайками в потертых джинсах «ливайс», сирень в скверах со скамейками для аспирантов и влюбленных пар. Я ходил в кино, купил пару рубашек и проголодался. На Амстердам-авеню был израильский ресторан, я нырнул в него и спрятался за столиком в углу напротив

входа. Подошел официант и принялся рассказывать мне, что дают именно сегодня и, конечно же, только у них. В ресторане было шумно и беспечно. Девушки обсуждали что-то со своими собеседниками, громко смеялись, потягивали вино и ловко отправляли в рот кусочки лосося, шпината, пармезана, сверкая безукоризненными зубами. Я выслушал длинный перечень меню и, явно разочаровав Грега, проворного парня лет 30, заказал израильский салат, хумус и кебаб. Меня отпускало. Мне вдруг стало спокойно. В этом обычном для Нью-Йорка месте я почувствовал себя в безопасности. Я заказал вина и быстро выпил бокал. Заказал второй, уже понимая, что не допью его, и в этот момент хлопнула входная дверь, я поднял голову и увидел тебя.

Ты превратилась в ослепительную молодую женщину. Небольшой шрам на правом предплечье, короткая стрижка, сумочка, из которой торчит бутылка воды и книга. Темно-синее платье чуть выше колена, выдающее сильные тонкие ноги и икры, тонушие в белых теннисных туфлях. Я никогда не видел тебя такой. Кровь отлила от моих пальцев, и все остановилось. Мне кажется, в тот момент я задохнулся, а может, и вовсе умер. Пригвожденный к спинке неудобного хлипкого стула, я смотрел, как ты садишься за столик напротив и осматриваешься вокруг, готовясь читать меню. Судя по всему, ты была здесь первый раз.

Я не знаю, сколько я так просидел. Звуки понемногу возвращались. Я опять стал слышать гул голосов. Мне принес-

ли салат. У тебя на столе появилось вино. О, ты стала пить вино. Это было ново. В той нашей жизни ты его не любила. «Мне кисло», – говорила ты.

Ты повзрослела, но осталась прежней. Готов поклясться, ты пахла так же, как 15 лет назад. Готов поклясться, у тебя не изменился тембр голоса и походка.

Я не знал, что делать. Подойти к тебе? Спрятаться? Пойти за тобой? Остаться незамеченным? Конечно, я понимал, что в этот ресторан именно сегодня и сейчас меня привела природа. Сердце зверя всегда останется сердцем зверя. Интуиция сработала по всем законам. Но все же я был не готов. Я сидел и лихорадочно придумывал план действий. Отпустить тебя я не мог. Вопреки твоему мертвому телу и месту в земле, которое стало твоей могилой, я не верил, что ты умерла. Даже когда нес со скалы, даже когда хоронил, я видел все, что происходит, со стороны. Будто кто-то, очень похожий на меня, прощался с кем-то, очень похожим на тебя. А потом будто закрылась дверь в родной дом, в котором горит свет, и ты скулишь, и просишь впустить тебя, и царапаешь дверь когтями, но никто не открывает.

И вот ты в нескольких метрах от меня, а я не знаю, что делать. И хуже всего, что рано или поздно ты встанешь и уйдешь. И все начнется заново, с той лишь разницей, что теперь я буду знать, что ты жива. Но как тебя найти, не зная ни имени, ни возраста. Иголка в стоге сена. И стоит ли вообще искать?

Что я скажу тебе? Что моя жизнь кончилась вместе с твоей? Что я люблю тебя по-прежнему и ничего не изменилось? А вдруг это испугает тебя и причинит боль? Вдруг, и наверняка, у тебя кто-то есть и мое вторжение крайне неуместно?

«Я тебе нравлюсь такая?» – внезапно прозвучало у меня над головой. Я не знал этот голос. И я его знал. Низкий, обволакивающий, чуть гортанный. Да, таким он и должен был быть. Ты села напротив меня. «Я узнала тебя сразу. Здравствуй. Но все-таки неужели это ты...» Я, не отрываясь, смотрел на тебя. Ты тоже научилась улыбаться. «Какой ты красивый, и так странно, что теперь мы умеем разговаривать. Представляешь, если бы мы сейчас перешли на наш родной язык?» Ты нежно смотрела на меня, была спокойна и уверена в себе и совсем не волновалась. «Нет, я волнуюсь, любимый мой, тебе только кажется, что мне сейчас легко». Я улыбнулся в ответ. В нашей прежней жизни в горах мы легко читали мысли друг друга и теперь, став людьми, очевидно, не лишишься этой способности.

Ты накрыла мою ладонь своей. Какая маленькая аккуратная рука, тонкие пальцы с серыми прожилками вен. Я молчал. «Ну, покажи мне свой голос. Скажи мне что-нибудь». – «Почему ты хотела сбежать?» – «О, я знала, что этот вопрос будет первым. Хотя, будь я на твоём месте, меня бы интересовала причина смерти». – «Тебя снес ветер». – «Нет, любимый, в тот день ветер был действительно коварный, но я прыгнула сама». Ты подняла глаза и не отводила их целую

вечность. Я молчал. Оказалось, я вообще не знал тебя. Самоубийство я отмел в первую секунду и никогда не сомневался в том, что причина твоей гибели была внешней. «Я никогда бы не смогла уйти от тебя. Ты был и остался единственным, кого я любила и люблю. Но наша жизнь в теле зверей подошла к концу. Мы слишком надолго в ней задержались и начали буксовать, что привело бы к неизбежному грустному финалу. Поэтому смерть была единственным выходом. Я решила на нее, понимая, что только так смогу спасти нас. И посмотри, мы встретились в Нью-Йорке, в городе, где никогда бы не оказались, не будь того февраля. Мы стали красивыми людьми, научились разговаривать, у нас грациозные тела, мы умеем есть вилкой, и нож уже не пугает нас так, как пугает зверей охотничий». Я молчал. «Потанцуй со мной», – сказала ты и поднялась. Я послушно встал и шагнул к тебе. Ты обняла меня за плечи и положила голову на грудь, совсем как тогда, когда мы засыпали на снегу в горах. Мы начали двигаться, и я подумал, что все это какой-то розыгрыш или я уснул и не могу проснуться. «Любимый мой, ты не спишь. Все происходит наяву. Все реально. Это я. Это мы». «Come away with me in the night, come away with me and I will write you a song», – пела Нора Джонс. Я чувствовал, как твои губы вторят тексту песни, касаясь моей шеи.

Я растворился в любви, которая накрыла нас в маленьком ресторанчике на Амстердам-авеню. «Ты ведь счастлив сейчас, правда?» – «Я... Я не знаю». – «Обними меня еще креп-

че, так, чтобы хрустнули все косточки, – попросила ты и, закинув голову, посмотрела на меня снизу вверх. – Теперь-то не боишься, как в той жизни?»

Мы вышли на улицу в теплый вечер апреля. «Поедем к тебе?» Мы поймали такси, скользнули на заднее сиденье и начали целоваться. Такси плыло по ночным улицам, нас прижимало друг к другу на поворотах, я чувствовал твои губы и запах волос, мягких и темных, как вода в горных реках под ослепительной ледяной луной. Я держал тебя в руках и защищал от ветра, от взглядов водителя, которому явно нравилось то, что происходило у него в машине, от бесконечных улиц, летящих нам навстречу, от весны, которую чувствовал впервые за 15 лет, от запахов города и неона рекламных щитов, от всего, что случилось с тобой, пока меня не было. Я успокоился и поверил в то, что мы реальны и все происходит на самом деле. Ты скользнула носом снизу вверх по моему – жест нежности и доверчивости, – как делала всегда в нашей прежней жизни. «Ты меня разденешь? Как же я мечтала показать тебе мое новое тело».

В номере, не зажигая света, я снял рубашку и, чувствуя, что возбуждаюсь все сильнее и сильнее, подошел к тебе. Ты опустилась перед мной на колени и расстегнула ремень. «О, господи, ты не изменился». Я подхватил тебя, невесомую, отнес в постель и снял платье.

Я начал двигаться в тебе неторопливо и глубоко, изучая твои плечи, грудь, которой не знал, твои нежные ракушки

ушей, матово выгнувшуюся спину. Час за часом я рассказывал тебе, как жил, как тосковал, как ждал тебя. Час за часом я заново признавался тебе в любви. Ты принимала меня, ты отвечала, двигаясь навстречу. Так мы плыли, став одним целым. Ночь была бесконечной и упоительно долгой. Я не заметил, как уснул.

Меня разбудили гудки машин. Начинался рассвет. Я открыл глаза и увидел, что ты смотришь на меня. Я поцеловал тебя. «Это лучшая моя ночь с тех пор, как я превратился в человека». Ты кивнула, подтверждая. «Знаешь, все эти годы без тебя я мечтала даже не о близости с тобой, не о твоих руках и запахе. Я хотела, чтобы ты поговорил со мной. Я пыталась представить твой голос и плакала от ревности, зная, что ты говоришь с кем-то, рассказываешь, объясняешь, что кто-то видит, как двигаются твои губы, и ты наверняка смущаешься, пытаешься найти точное слово. И все это не со мной и не мне». – «А ты? С кем говорила ты?» – «Я никого не нашла, да я и не искала. Всегда был ты, и впустить нового, притом чужого человека я не могла. Я ни с кем не была все эти годы». – «Что, ни разу?» – «Нет», – ты улыбнулась и положила мне голову на грудь. – «Мое тело знаешь только ты. И так будет всегда». Я молчал. «На кого похожа твоя дочь?» Я чуть было не спросил, откуда ты знаешь. «Когда она родилась, я увидел тебя. Сейчас не знаю. Говорят, на меня». – «Боже, как я жалею, что у нас нет сына», – сказала ты. «Но ведь еще не поздно», – хотел сказать я, но почему-то про-

молчал. «Сейчас вернусь». Ты ушла в ванную. Я опять задремал и проснулся от того, что ты лежала у меня между ног. «Как же ты делаешь это», – простонал я. Ты брала его нежно и глубоко. Я обнял ладонями твою шею, легко нажимал и подталкивал все глубже. Почувствовав, что могу кончить, я привстал, вытащил и посадил тебя сверху. Без промедления ты заскользила на мне. «О, господи, – шептала ты и взлетала все выше. – Держи, не отпускай меня, держи, держи». Я рванулся вперед и кончил в тебя сильным прозрачным потоком. Ты догнала и упала на меня, вжимаясь распахнутым лоном в мое семя, вбирая его в себя, вытирая досуха. «Как же сильно я люблю тебя», – простонал я. «Я тебя больше, любимый». И мы провалились в сон.

В жизни каждого, будь то человека, будь то зверя, случается только одна любовь. Именно ее вспоминаешь перед смертью, лежа на земле или в постели, в окружении близких или оставшись в одиночестве. Двух быть не может. Самая сильная всегда одна. Наконец-то моя вернулась ко мне. Моя была со мной. И меня не беспокоило, сколько нам суждено и что будет дальше. Я плыл, дышал и чувствовал запахи первый раз за 15 лет, проведенных в теле человека.

Утром, когда я проснулся, тебя не было. Я знал, что так будет, и был готов к новой потере. Я знал, что ты не оставила ни строчки и искать тебя бесполезно. Я знал, что так должно было закончиться, что ты пришла за мной в ресторан, чтобы я узнал, что ты жива и любишь меня, и чтобы мне наконец

стало легче. Ведь смерть – единственное, что нельзя исправить, а у живых всегда остается надежда. Теперь я знал, что ты, так же как я, ходишь по земле, так же как я, пьешь кофе в «Старбакс», так же как я, улыбаешься и даже научилась пить вино. Я знал, что у тебя все хорошо, что ты не страдаешь. Я знал, что мы встретимся еще, но через много-много лет, в другом обличье и на другой земле. Я знал, что ты найдешь меня. В каждой новой жизни, в каждом новом столетии наши души будут соединяться, как будто в первый раз. Я понимал, что наш срок в этой жизни истек, но, когда умеешь ждать того, кто жив, ничего ужасного больше не может случиться. Я все это знал, но лежал в постели и захлебывался слезами. Я давно отпустил тебя, но на мгновение мне показалось, что эта ночь могла все изменить, что все можно было исправить и начать с нуля. Хотя в то же время я с самого начала знал, что ничего не изменится. Что эти часы были только остановкой в пути, передышкой в бесконечном потоке дней.

Никогда не знаешь, что случится вечером, как можно загадывать на целую жизнь?

Но в одном я точно уверен: жизнь, предначертанная мне в теле зверя, не была прожита так, как того хотел Создатель. Что-то сломалось или сошло с космической орбиты в самом начале нашей истории. Кто знает, может, мы встретились слишком рано, а может, опоздали. Только одно получилось так, как было нужно и как задумывал Бог, – мы полюбили

друг друга.

Я лежал в постели, дышал твоим запахом и плакал. Я чувствовал, как становлюсь тяжелее и тяжелее. Мышцы наливались скорбью, лопатки распирало от горя. Я открыл глаза и увидел, что мои руки и грудь начинает покрывать шерсть. Я попытался встать на ноги, но вместо этого у меня получилось только спрыгнуть на пол. Я подошел к зеркалу и в отражении увидел снежного барса. Он смотрел на меня внимательно и сердито. Нам не дано уйти от себя. Не стоит пытаться менять природу. Она знает нас лучше, чем мы знаем себя. Я поднял лапу и провел ею по стеклу. Потом встал на задние и лизнул свое отражение. Вот и все, что я мог. Вот и все, что мне осталось.

Хотя нет. Было еще одно.

Комнату заливало утреннее солнце. Вчера ночью мы не задернули шторы, и в комнате было так ярко, как бывает только в горах ранней весной, когда солнце отражается от снега. Я опустился на пол и закрыл лапами морду. Мокрая от слез шерсть пахла солью и тобой. Я увидел, как мы танцуем в ресторане на Амстердам-авеню, я увидел твои руки в тонких серых прожилках вен, я увидел тебя в такси и как ты запрокидываешь голову на пике наслаждения, я увидел наш дом в горах и тебя на нашей скале.

А потом я поднялся, отошел назад, напряг свое сердце, рывком прыгнул в окно и грациозной дугой поплыл по небу, постепенно становясь точкой на горизонте.

ОН ОНА ОНИ

она

...Часы опять встали. Он же менял батарейку, но они опять стоят. Минутная стрелка упирается в цифру 8. Часовая стремится к 6. Секундная ползет по кругу, но ничего не происходит. Что может быть хуже имитации движения.

В последние месяцы, когда я заходила к нему в комнату, он всегда сидел в наушниках. Мне было интересно, что он слушает, что скрывает от меня, что происходит в его мире, в его вселенной. Я слышала голос и бит, но не могла понять, кто поет, ревновала его к тому, что он слушал, чем интересовался, к тому, что могло ему понравиться. Я ни разу не задала вопрос, хотя сгорала от ревности к неизвестному, которое он без усталости поглощал.

Его комната. Письменный стол, за которым он редко сидел, все больше читал в кухне или в постели. Разбросанные недочитанные книги, поломанные диски, ставшие раритетом. Ручки, карандаши, маркеры, едва начатый блокнот. Зажигалки zipro, которые он собирал всю жизнь, их было штук двести, и они были разбросаны по всей нашей квартире, кочуя из комнаты в комнату. Он так и не бросил курить. Мы жили в трехкомнатной квартирке, которую сняли, когда

переехали из Нью-Йорка в Бостон. Помню, в нашем доме в Нью-Йорке никогда не было наушников. Тогда еще он не прятался, а я не искала. И музыка звучала громко и свободно. Любимая нами одинаково.

Мы бежали под дождем по черному асфальту, из такси в его квартиру. Я умирала от хохота: он так забавно передразнивал водителя-индуса, его коверканный инглиш. Мы влетели в его берлогу и не могли оторваться друг друга все выходные. В понедельник утром, встав надо мной, еще лежавшей в постели, он сказал:

«Ну что, до вечера?»

Я замерла от счастья:

«Конечно. Где встречаемся?»

«Здесь, – улыбнулся он. – Зубная щетка у тебя уже есть, вещи купим вместе, когда я вернусь».

«Я могу...»

«Нет, ты не можешь, – он прервал меня. – Начнем с нуля. Купим тебе все новое».

«Но я...»

«До вечера, – он нагнулся и провел рукой по моим волосам. – Я буду стремиться домой и приеду, как только раскидаю дела».

Вместо обещанных 7 часов вечера он вернулся сразу после обеда. В тот день мы так и не смогли купить мне новую одежду, и на следующий день тоже, и до выходных я разгули-

вала по дому в его рубашках и подвернутых джинсах. Впрочем, одежда мне нужна была только в те часы, когда его не было дома. Он возвращался, влетал в квартиру, и мы любили друг друга до сумерек. Потом, голые, торчали в кухне и ели стоя, перемежая хлеб, сыр, фрукты, вино поцелуями. Когда садилось солнце и река под нами загоралась желтым, розовым, багряным, мы стояли у окна, и он обнимал меня. Мы наблюдали, как приходит новый вечер, а за ним спускается еще одна ночь.

Тогда, впервые в жизни, я ни о чем не мечтала. Мне было так хорошо, что, пока его не было, я даже не могла читать. Я пыталась смотреть фильмы, но засыпала, и ни один не могла досмотреть до конца. Я стояла одна перед нашим окном и думала, чем заслужила такое абсолютное счастье, такую полноценную, безмятежную любовь. Я чувствовала себя священным Граалем, который опустошался каждый раз, когда он брал его в руки, а потом весь день в ожидании вечера наполнялся вновь. Идеальная формула любви.

Мы начали встречаться в марте. В мае я забеременела. Сразу сказала ему об этом, ничуть не опасаясь реакции. Я понимала, что сцен и тем более скандалов не будет. Я чувствовала, что он не из киношных героев, которые, узнав о беременности подруги, смотрят на нее в упор и тихо говорят: «Ну ты же не собираешься оставлять ребенка». Дешевой театральности точно не было в наших отношениях.

«Я хочу на тебе жениться», – в ответ на мое признание

сказал он. Мы поженились через пару недель и улетели в Мадрид. Было жаркое лето, но оно никак не отражалось на моем самочувствии. У меня даже не было токсикоза. Мы много и долго гуляли по городу, в котором до этого не были ни порознь, ни вместе. Я помню, мы постоянно смеялись. Нас забавляло все: громкие, чуть грубоватые испанцы с их породистыми, конкретными чертами лица; голуби, которые летали над площадями и от жары самоубийцами пикировали в лужи; маленькие дети, бегающие между столиками в ресторанах в окружении веселых и беспокойных мамаш, доедающих за своими отпрысками пюре и будто на глазах становящихся еще более тучными. Нас смешили портье, строгие пожилые горничные, убирающие наш номер, испанская музыка, гитарным каскадом спадающая на нас по вечерам, словом, любая незначительная деталь. Он обожал книжные магазины. В первый же день мы купили разговорник, и он штудировал испанскую фонетику, медленно произносил фразы и тренировался на всех, кого мы встречали. У него были светло-каштановые, чуть вьющиеся волосы, челка постоянно падала на глаза, и он привычным для себя движением отбрасывал ее назад, когда читал меню и смотрел на меня через стол, стараясь разгадать мое настроение.

Что такое взрослая жизнь? Марафон преодоления препятствий, решение поставленных задач, зарабатывание денег и постоянное смутное ожидание подвоха. Мы без усталости анализируем то, что с нами происходит. И если то, что про-

исходит, безоблачно и безмятежно, мы непременно думаем: «Как же это странно. Это не может длиться вечно. Это обязательно закончится и закончится ужасно». Мы придумываем себе катастрофическое будущее с изменами, разводами, болезнями и фиаско радости. Это заложено в нашем сознании природой и началось задолго до того, как мы обезопасили себя и, как могли, защитили от наводнений, голода, лишений, всего того, с чем сталкивался человек на заре эволюции. Мы живем в комфортном безопасном мире, но информация о потенциальной угрозе прочно обосновалась в клетках головного мозга. За радостью обязательно явится печаль, счастье будет омрачено разочарованием.

Но с нами ничего такого не происходило. Мы были беспечны и юны. Мы были ровесниками. 30 лет – не так много, но уже не мало. Мы ждали ребенка, и сами были детьми. Первое время я была начеку, но постепенно моя сжавшаяся в комок душа расправилась и задышала легко и без опасения получить под дых.

Я родила Генри в феврале. Малыш появился на свет с отцовской улыбкой. Первые недели, пока Генри привыкал к новому миру и реагировал на него бурными потоками слез и жалобных серенад, наша привычная жизнь полетела вверх тормашками и состояла из череды кормлений и новых нескончаемых хлопот. Я очень уставала за день. Он брал на себя ночные дежурства и проводил с нашим сыном долгие

зимние часы. Каждый раз, просыпаясь, я видела одну и ту же картину: склонившись над кроваткой, он смотрит на спящего Генри, будто стараясь запомнить его, фотографируя миллиметры крошечного личика.

Той зимой ему предложили новую работу в Бостоне, и мы готовились к переезду. До встречи с ним я жила в доме родителей, который стал моим после их развода. Отец уехал во Флориду, мама осталась в Нью-Йорке, но мы редко виделись. После нашей первой ночи я за все время ни разу не появилась дома. Почему-то мне казалось, что стоит приехать домой, и я разрушу то новое, что родилось во мне. Что моя прошлая, привычная, в целом неплохая жизнь станет ядом, незаметно влившимся в нашу гармоничную и полноценную. Я не тосковала по дому. Не стремилась увидеть друзей. Я бросила работу в то утро, когда впервые проснулась у него дома. К тому же у меня никого не было до него много лет. Мне нечего было скрывать. Я ничего не прятала и ничем не терзалась. Просто чувствовала, что мне не стоит ехать туда, где я жила механически и формально, не понимая, зачем один мой день переходит в другой, и гадая, сколько еще будет продолжаться это безвкусное существование. Даже когда нам понадобились мои документы, забирать их поехал он. Вечером после поездки ко мне он вернулся позже, чем планировал. Ночью, когда мы лежали в постели, он нежно сказал мне:

«Я видел твои фотографии. Извини, с головой ушел в твое

прошлое. Я должен был увидеть, что происходило с тобой до меня».

«Увидел?»

«Увидел. И понял одно: если бы мы учились вместе в школе, ты бы была моей девчонкой».

Я улыбнулась.

«И поэтому я вообще-то не понимаю, кто этот здоровенный парень, который тебя обнимает, и что вы с ним делаете в Вегасе?»

После возвращения из Мадрида я продала дом. Вскоре мы переехали в Бостон.

Говорят, чужие дети растут быстро, но Генри рос быстро даже для нас, его родителей. Я не успела оглянуться, как наш неутомимый мальчишка поступил в начальную школу. В третьем классе он на полном серьезе решил жениться на однокласснице, забавной рыжей ирландке с зелеными глазами и ручками-веточками. Они вместе ходили в школу, сидели за одной партой, вместе обедали, делали уроки и расходились только вечером.

«Не рановато тебе жениться, Генри?» – спросил он, услышав нашу веселую новость.

«Папа, а ты долго думал, прежде чем сделать предложение маме?»

«Я вообще не думал. Я всегда знал, что твоя мама родилась, чтобы стать моей женой».

«Ну вот, видишь, – парировал Генри. – И я все знаю на-

верняка».

И оказался прав: через двадцать лет Грейс стала его женой.

Кто придумал скорость времени? Кто отвечает за его качество? Кто определяет вектор движения нашей жизни? Не ищите ответов в предопределенности, не призывайте в помощники судьбу. Ответов нет. Даже если они есть, никто вам не ответит. Тем более если тот, к кому вы обращаетесь, эфемерен.

Пятнадцать лет пронеслись так стремительно, что я ни разу не успела устать. Лето становилось осенью, зима превращалась в весну, а наша жизнь, казалось, началась вчера, и только Генри становился старше. Мы ложились в постель и любили друг друга так же пылко и нежно, как в первую дождливую асфальтовую ночь, после такси с водителем-индусом. Я буквально растворялась в нашей близости. Я мечтала о втором ребенке, просила его об этом. Он кивал, но я видела, не был до конца уверен. Что-то останавливало его. А я почему-то не решалась спросить. Мы по-прежнему жили в Бостоне, который считали родным, хотя жили в нем всего пятнадцать лет. Рождество и мой день рождения проводили в Нью-Йорке, который любили не меньше, но без ностальгии. Так любят то, что незыблемо, но не приносит нового. Память всегда проигрывает в сравнении с тем, что держишь в руках. И у нас нет другого выхода, кроме как упрямо идти

вперед.

В 17 лет Генри поступил в бостонский колледж и переехал в общежитие. Я хотела, чтобы он остался жить дома, но добираться до учебы каждый день было далековато. Генри уехал, а мы остались одни в нашей квартире и стали проводить больше времени вместе. Как-то вечером за ужином он вдруг положил вилку, поднял голову и, прямо глядя мне в глаза, сказал:

«Я ухожу с работы».

«Почему?»

«Устал».

«Но тебе же так нравится...»

«Я устал», – повторил он и вышел из-за стола. Это было странно и нетипично для нас. Обычно он всегда все терпеливо объяснял мне, и не было случая, когда мои вопросы были бы встречены с раздражением или оставлены без ответа. Я была крайне удивлена. Ночью он был таким же нежным и пылким, как всегда, и утро понемногу стерло произошедшее за ужином.

Он ушел с работы, и теперь мы были вместе практически постоянно. Дни потекли так же размеренно и счастливо, как и всегда, но со временем он стал уединяться в своей комнате и проводил в ней весь день, выходя только для ужина или спросить меня о чем-нибудь.

На День благодарения мы решили поехать в Нью-Йорк,

намереваясь провести там последнюю неделю ноября. Машина неслась по автостраде, он вел быстро и легко. Внезапно мы остановились.

«Едем домой», – сказал он.

«К-а-а-а-к?»

«Я устал».

«Ничего не понимаю», – сказала я.

«Папа, что случилось?» – оторвавшись от компьютера, крикнул с заднего сиденья Генри.

«Я устал», – повторил он, идя на разворот. Мы вернулись домой, он прошел в комнату и лег. Больше он не вставал и через неделю умер.

Вот такая история моей жизни с ним. Мы были вместе 17 лет. 17 лет, каждый день. Ни единой ссоры, ни одной размолвки. 17 счастливых безоблачных лет.

Я пишу все это только для того, чтобы еще немного побыть с ним. Пока пишу, он рядом. Стоит закрыть компьютер, и настоящее обрушивается на голову непомытыми кофейными чашками, осиротевшими глазами Генри, валяющимися спортивными костюмами и стикерами, на которых его почерком написано «заплатить налоги», «купить новый роутер», «доброе утро, милая», и все эти розовые, желтые, синие листочки так и висят по всему дому, который после его смерти перестал им быть.

И еще часы. О да, эти проклятые часы. Они упрямо стоят на месте, не желая идти вперед, и время теперь перемещает-

ся по циферблату, ведомое моей рукой, а не смыслом всего сущего. И ведь он недавно менял батарейку, а их так надолго хватает. Совсем недавно менял батарейку.

ОН

У меня рак. Мне 47 лет. Я молодой. Но жить осталось максимум несколько недель. Я пришел в ярость, узнав об этом. Какого черта я? За что? Бросьте говорить о судьбе. Я не верю в судьбу. Прекращайте пенять на наследственность: в моей семье все были здоровы. Почему именно я? Почему так рано? Я хочу жить. И главное – как я ее оставлю?

Я узнал о том, что болен, год назад. О том, что болезнь прогрессирует, 6 месяцев назад. О том, что у меня нет шансов, два месяца назад. Мне осталось жить 60 дней. Стремительно становится хуже. Я быстро устаю и постоянно хочу спать.

В этом году такая красивая осень. Среди всех деревьев больше всего вижу клены. Один растет перед окном моей комнаты, где я теперь провожу все время. Я читаю и пытаюсь записывать свои мысли. Мне показалось важным оставить ей память о моих последних месяцах жизни. Не думаю, что смогу написать много. У «я люблю тебя» нет вариантов и синонимов.

Я любил ее всю свою жизнь. Первый раз мы встретились у Джейкоба и Франсуаз. Меня пригласили на ужин. Когда я

пришел, она стояла у окна и смотрела на закат. Мы часто потом стояли так вместе, провожая дни, недели, годы. И ни разу не повторились ни закат, ни наша ночная близость. Все ночи были разные, и, мне кажется, я помню их все и каждую в отдельности.

В тот вечер мы не сказали друг другу ни одной фразы, кроме традиционного приветствия и прощания. Я был недолго, она тоже. Помню, что мы вместе вышли из квартиры, вместе зашли в лифт и в полном молчании, улыбаясь в свои телефоны, спустились на первый этаж. На ней был бежевый плащ и яркий газовый шарфик, который она постоянно поправляла правой рукой, держа телефон в левой. Я открыл дверь парадной и, пропустив ее вперед, немедленно попрощался и выскочил на проезжую за такси.

А потом был ее пост-комментарий в инстаграме, написанный лаконично, красиво и дерзко. Ее возмутил поступок нашего общего знакомого, который, решив уйти от жены к молодой любовнице, прежде объявил это в сети. На что он рассчитывал и зачем так поступил, удивляет меня до сих пор.

Мы давно уже привыкли к отсутствию интимности в нашей жизни. Мы показываем миру свое нижнее белье и коренные зубы, мы включаем камеру телефона, выбирая кабачки, и тыкаем ею в тушку мертвого сибаса, советуясь с подписчиками, как приготовить его на ужин; мы радуемся, когда наша жизнь набирает миллионы «лайков», и выкладываем в сеть тарелки с едой, моментальной становящейся несъе-

добным отвратительным кормом. И все это уже не считается отсутствием вкуса и современной уродливой бестактностью. Но я не зануда и не моралист. Я толерантен к тому, что меня окружает. Если вам угодно выставлять свои гениталии на всеобщее обозрение – делайте это, но не касаясь интимных подробностей вашего партнера, который не факт, что будет в восторге от подобного рода публичности.

По большому счету, я абсолютно равнодушен к приметам нашего времени. Все, что мне нужно узнать, я узнаю из новостей. Что же до личного – у меня всегда была она, и никто иной не интересовал. Друзья считают, что я не современен, но из всех, с кем мы дружим, я, не имея ни одного переговорника, моментально реагирую на случившееся и отзываюсь, когда нужна помощь. Моя кнопочная «нокия» работает безупречно. Думаю, после моей смерти Генри еще лет 10 сможет пользоваться ею, хотя бы в качестве забавного раритета.

Она написала несколько емких предложений, из которых мне стало ясно, что женщина, с которой я ехал в лифте, умна и отнюдь не так проста, как это могло показаться на первый взгляд. Пост иллюстрировала картина Гюстава Курбе «Происхождение мира», что, как вы понимаете, сражало наповал и делало пост убийственным. Она четко и даже с какой-то брезгливостью препарировала поступок нашего знакомого, делая его заурядным стареющим ловеласом и мерзавцем. Будь я на месте его жены, после этого поста развел-

ся бы с ним сам и как можно скорее. Пост собрал невероятное количество комментариев. Разъяренные мужчины рвали и металы, женщины писали слова поддержки, словом, резонанс получился огромный. Она никому не отвечала. Возможно, не читала, но думаю, не считала нужным пускаться в обсуждения после того, как все сказала. Сам не понимаю, почему я первый раз в жизни не сдержался и написал: «Жалею, что не разглядел вас в нашу первую встречу. Дайте мне второй шанс?» К моему удивлению, она ответила! И, как обычно, кратко: «Я ждала, когда вы меня найдете. Жду вас у себя». И адрес.

Наша вторая встреча была ужасной. Когда я приехал, она была замкнута. Я тоже не мог расслабиться и не находил тем для разговора. Она сварила кофе, предложила вина. Я зачем-то сказал, что вино – вовсе не повод. Она удивленно подняла правую бровь и уточнила: «Повод для чего?» Я смешался, растерялся и вообще замолчал. Она сидела напротив меня и выглядела такой близкой и открытой, что, казалось, стоит протянуть руку, и случится неизбежная близость. Но только казалось. Между нами стояла стена покруче берлинской, и все попытки разрушить ее, я видел, были безуспешны. «Спасибо за кофе. Я пойду», – сказал я и поднялся. «Спасибо, что приняли приглашение прийти». – «Вы отлично пишете». – «Это единственное, что я умею, и это самое простое», – ответила она. «Но нужно обладать изрядной долей смелости, чтобы позволить себе быть такой откровен-

ной». «Когда нечего терять, это еще проще, – ответила она. – И это вовсе не повод». «Не повод для чего?» – в свою очередь удивился я. «Чувствовать родство, когда на самом деле его нет. Вам понравился мой текст, и вы решили, что знаете меня. Думая так, вы пришли ко мне. Самоуверенный, расслабленный, красивый мужчина. В дом к практически незнакомой женщине, которую до этого встретили в гостях у друзей и которая вас вообще не заинтересовала. Мне нужно было написать абсолютно заурядный пост, чтобы спровоцировать вас найти меня. Но что, если бы я не была столь обличительно красноречивой, что, если бы я умела так же чувствовать, но не могла так ярко формулировать? Вы бы никогда не нашли меня, никогда не написали бы. Зачем эта встреча? Точнее, с кем эта встреча? Зачем вы пришли? Чтобы что? К кому вы вообще пришли?»

Я оторопело смотрел на нее, стоя в крохотной прихожей. За мной была входная дверь, и все, о чем я мечтал, – это испариться через нее в свободный, понятный мне мир. Такой развязки я не мог себе представить. Что я сделал не так? Не обратил на нее внимания в первую нашу встречу? Да. Но как можно было винить меня за это? Я был не обязан. Я почувствовал, что закипаю. «До свидания. Мне нужно идти». «Удачи вам», – сказала она. Я открыл дверь, и вдруг она шагнула ко мне и поцеловала так сокрушительно, нежно и откровенно, что я от неожиданности врос в пол. Поцелуй был долгим. Наконец, она оторвалась от меня, и на ватных ногах,

обескураженный тем, что только что случилось, я вывалился в темную улицу.

Вдохнув ночной воздух, я, не понимаю почему, сразу побежал. Я бежал по улицам, мимо кафе и закусочных Deli, мимо витрин магазинов, манекенов в окнах, мимо светофоров с постоянным мигающим желтым, мимо зданий в лесах, мимо отелей с улыбающимися черными секьюрити, мимо людей, текущих вокруг меня, я бежал, бежал, бежал, не чувствуя скорости и усталости. Сердце было размером с воздушный шар, который подпрыгивал во мне, пытаюсь оторваться от ниточки, держащей его внутри. Помню, около Центрального парка я остановился и заметил, что моя голубая рубашка потемнела и прилипла к груди и спине. И в этот момент я понял, что люблю ее. Что сегодня я полюбил ее навсегда. Что все решено. Я привалился к решетке парка и закрыл глаза. «Я тебя нашел я тебя нашел я тебя нашел» – билось и повторялось во мне. Телефон завибрировал, я взял его в руку, зная, кто звонит, и закружился на танцующих ногах. «Как ты быстро бегаешь, – сказала она. – Оглянись». Я повернулся и увидел ее. В легком платье ромашкового цвета, с румянцем от бега, она улыбалась и смотрела на меня. И внезапно хлынул дождь. Я подошел к ней, обнял, и мы застыли с одним на двоих сердцем, пробивающим наши грудные клетки и делающим нас одним целым. Больше мы не расставались. 17 лет, как один вечер.

Я не могу поверить, что через каких-то полгода, а может, и меньше, меня не станет. Что я превращусь в лежащего неподвижно человека. Что мои пальцы, которые сейчас пишут эти слова, застынут навсегда. Что мое сердце встанет, как часы, в которых я все эти годы менял батарейку, и не было ни дня, когда они не бежали бы послушно по кругу, с маркерами часов и минут.

Как смириться с тем, что мое «я» перестанет существовать? Что я оставляю двух родных людей и исчезаю. Что продолжения не будет. Что я, в сущности, бросаю их. А самое главное, я не могу решиться и сказать ей, что скоро все кончится. Это нечестно. Она не подозревает, как близок конец нашей жизни. Но если сказать, все оставшееся мне время мы проведем в скорби и горе, каждую секунду чувствуя приближение смерти. Знание все отравит. Я не скажу. Я буду держаться до конца.

Через неделю День благодарения. Мой последний День благодарения. Мы поедем в Нью-Йорк, и я попрощаюсь с моим родным городом. В следующий раз я вернусь в него в коробке и растворюсь в кронах деревьев Центрального парка.

Сегодня мне грустно меньше, чем обычно. Может, оттого, что я принял решение уйти с работы и теперь постоянно дома рядом с ней. Она, сама того не зная, защищает меня от страхов, которые теперь полностью владеют моим сознанием.

Удивительно, как спокойно я пишу о своей неизбежной и

такой скорой смерти. Одно дело размышлять о ней, не видя границ горизонта. Совсем другое – знать, что впереди конкретный отрезок времени. И после него ничего не будет. А я так спокоен. Редкие вспышки ярости и гнева тонут в письме и забыты. Когда я просыпаюсь, становится легче. И я еще ни разу не плакал.

В целом я готов. Все, что нужно, сделано. Дом, счета, бумаги составлены. Будущее чисто. Я никому ничего не должен. Я завершил все дела. Кроме одного, которое никогда не завершу, – я не смогу сказать ей, что ухожу, и тем самым не дам попрощаться. Простит ли она меня за это?

Как же я уже тоскую по ней. Она ходит рядом, такая родная, такая удрученная переменами, происходящими во мне, причины которых она не знает. Она приносит мне кофе, спрашивает, не болит ли у меня горло или голова, трогает лоб. Чувствую себя одновременно шпионом и подлецом. Но как сказать ей, глядя в глаза: «Нет. У меня не болит голова. Во мне рак, который в эту минуту обедает моими клетками. Моей кровью, которую ты знаешь на вкус, которая течет в нашем сыне. Во мне рак, который убьет наше будущее».

Как произнести это?

Я не смогу.

Помню, в один зимний вечер мы лежали и смотрели шведский фильм про мужчину, который, похоронив жену, умершую от такой же, как у меня, болезни, каждый день ходил на ее могилу и разговаривал с ней. Эти походы были единствен-

ным реальным событием в его жизни. В остальное время он просто терпел жизнь, не понимая, как свести с ней счеты. Я уже все знал про себя и через силу наблюдал за тем, что происходит на экране. Она лежала у меня на плече, и внезапно я почувствовал, что она плачет. «О, как я его понимаю, – прошептала она, вжимаясь в меня. – Если тебя не станет, моя жизнь остановится».

Меня не станет. Жизнь остановится. Но пока я здесь. Я дышу. Я пью кофе. Я смотрю на Генри. Я заставляю себя улыбаться, зная, что сейчас, когда она читает эти строки, мы опять вместе. И если бы я мог, я бы писал бесконечно долго, чтобы только моя история не заканчивалась. Чтобы каждое предложение в ней не стало последним.

Я прожил короткую замечательную жизнь. И я понял, что весь наш огромный мир ничего не значит в сравнении с одним-единственным человеком, которого ты любишь. Мне не страшно умереть. Свет погаснет, и все. Мне страшно представить, как она будет жить в крошечной темноте длиной в бесконечное количество дней.

ОНИ

Меня зовут Генри. Мне 47 лет. Столько же лет было моему отцу, когда он умер от рака. И столько же лет было моей маме, когда она покончила с собой после двух утомительных лет жизни без отца. Ту нашу жизнь сложно было назвать жиз-

нюю. Две весны, два лета, две зимы и одну осень она просидела у окна в комнате, в которой он жил в последние недели. Я не помню, чтобы она занималась чем-то. Она не посмотрела ни одного фильма, не прочитала ни одной книги, ни разу не встретилась с друзьями. Мы не обедали и не ужинали. Я вообще не видел, чтобы она что-то ела, что-то пила. В ее руках постоянно была папина зажигалка, которую она крутила между пальцами, то медленно, то лихорадочно. Пожалуй, это было единственное ее занятие в последние два года.

Папа умер осенью. После его смерти я был уверен, что мама не выдержит и уйдет сразу, но она продержалась целых два года. Уверен, что она терпела только из-за меня. В сентябре я понял, что скоро останусь один.

В последние недели ее жизни мы спали вместе. Я знал, что каждую ночь она прощается со мной. Она быстро худела и, когда умерла, была тонкой, как кленовый листочек. Я ни разу не видел, чтобы она плакала. Вообще не особенно словоохотливая, она перестала разговаривать, и за нее говорили ее руки, которые постоянно обнимали меня, и гладили плечи, и ерошили макушку. Она была нежной и абсолютно потусторонней.

В последнее утро она попросила меня приготовить завтрак. Я сварил яйца в мешочек, как она любила, сделал тосты, приготовил ее любимый кофе. Я стоял у плиты, смотрел на созревающую каштановую пену в джезве и знал, что это мамин последний кофе.

Я был спокоен, как замерзшее озеро под толстым слоем декабрьского льда в Мичигане. Я все делал медленно. Помню даже, что радио играло Lily Allen «Three». Мы сели за стол. Громко тикали часы. Она сделала глоток воды, подняла голову и, как обычно, прямо смотря мне в глаза, сказала: «Родной мой, я хочу, чтобы ты сегодня переночевал у друзей». «Хорошо, мам», – ответил я. «Возвращайся завтра утром не поздно, хорошо?» – «Хорошо, мам». Она откусила кусочек тоста: «На зимние поедете к Грейс в Дублин?» – «Еще не думали. Наверное, да». – «Передавай ее родителям привет от нас с папой». Я чуть не поперхнулся: «Хорошо, мам». Для нее он до сих пор был жив. Не меньше, чем я, и уж точно больше, чем она сама.

Она поднялась из-за стола. «Спасибо, сынок. Это был самый вкусный завтрак в моей жизни».

Я поднялся. «Подойди ко мне». Внезапно я перестал быть взрослым и крепким мужчиной и стал маленьким мальчиком. «Только бы не заплакать, только бы не заплакать», – набатом стучало у меня в висках. «Отнеси меня в комнату, сынок». Я поднял невесомое тело моей мамы и отнес ее в комнату. На приготовленный шприц, лежащий на прикроватной тумбочке, я старался не смотреть, но сетчатка моего глаза моментально впитала в себя бледно-зеленую жидкость. «Прощай, мой хороший. Я люблю тебя». «Пока, мам», – сказал мой голос. Я поднялся и пошел к двери. «Генри?» – «Да, мам». – «Я должна это сделать. Прости меня». – «Я пони-

маю, мам. Все будет хорошо».

На следующее утро я нашел ее мертвой там же, где оставил. В руке она держала зажигалку и была абсолютно счастлива. Уж я-то, ее сын, знал это наверняка.

Меня не бросили. Меня любили и любят мои мама и папа – два самых невероятных человека на земле. И любовь была придумана для них. Я это точно знаю. А еще я точно знаю, что мир – ничто, когда в нем нет одного-единственного живого сердца, важнее которого нет.

Я не верю в жизнь после смерти. Шприц со смертельной дозой снотворного навсегда лишил меня мамы. Мы не встретимся больше никогда. И папу она тоже больше не увидит. Сердце останавливается, и мы умираем. Смерть – это билет в один конец в твой первый и последний личный поезд, где нет места другим пассажирам. В лучшем случае они путешествуют параллельно с тобой. Моей маме, наверное, хотелось именно этой параллели. Я знаю ее очень хорошо. Она ко всему в жизни относилась досконально и серьезно. Два года она решалась и взвешивала, и когда поняла, что выхода нет, догнала папу, который в общем-то не так далеко от нее ушел.

Наступит и мой день. И страха нет. Ведь я плоть от плоти своих родителей. Во мне их голоса, их смех, и крикливые темпераментные испанцы, и Мадрид, где я был в мамином животе, и наш Нью-Йорк, и дожди, и папина рубашка на маминых плечах, их улыбки друг другу, и во всем этом они,

только они, только они, в таком привлекательном и пустом мире без одного из них. Ведь есть только двое. Только двое. Только он. Только она. Только они.

гречневые

От нее остался запах сигарет, столичного дождя и гречневых хлебцев. Я хотел бы добавить еще запах секса, но он был слишком тонок, как запах новорожденного щенка.

Она была красива, талантлива и неотразима в своей юношеской свежести. Природа причудливо перемешала в ней кровь предков и явила миру тонкую европейскую девочку, с мягкими славянскими чертами лица и нежным детским пушком на щеках. К сожалению, мне в ту пору было не до изучения ингредиентов ее шарма. К тому же, чем мы старше становимся, тем чаще свежесть заменяет нам красоту. Это объяснимо, ведь с возрастом вступает в силу закон сопротивления тлену, и кровь бурлит, сливаясь с молодой кровью, отчасти из-за той концентрации кислорода, которую наши клетки уже утратили.

Когда мы встречались, она, теснимая к незримому вначале окну, оказывалась на подоконнике, и там, на фоне Владимирской церкви, распахивала передо мной свои девичьи острые коленки. Было тесно и немного противозаконно. Лолита приходила в гости к моему подсознанию каждую нашу встречу.

Укусите гречневый диск – вот вкус ее кожи и слюны. Вязкий, сладковатый, при соединении со мной мгновенно становящийся теплым, а затем горячим. Невероятно было от-

казаться и не утонуть в этой мякоти. И мы тонули. Тонули микроскопически точно и глубоко. Неторопливо вначале, с обязательными неглубокими поцелуями – мы словно со стороны наблюдали друг за другом, всегда не уверенные, что на этот раз все тоже случится. Но, конечно же, все непременно случилось, и нас начинало раскручивать по спирали и связывать в одно. Звуки, которые вырывались из нее по мере того, как высоко мы подлетали на суперскоростной карусели, становились все тоньше, казалось, она была готова заплакать от обиды. Она словно жаловалась мне на кого-то, а может, кому-то жаловалась на меня. Полагаю, то и другое было правдой. Но стоило мне вышептать в раковину ее горячего ушного эмбриона: «Милая, тебе не больно? Не больно, скажи?», она вцеплялась в мои плечи, утыкалась в шею мокрым лбом и стонала: «Продолжай, продолжай, о, еще, милый, еще, еще, еще!»

И я продолжал, уже не контролируя ни силу, ни частоту проникновений в ее гречневые просторы. И всегда знал, когда случится ее пик. Она разводила ноги все шире и шире, закидывала их мне на плечи, открывала свои невозможные, припухшие от слез и неги глаза и вдруг застывала, чтобы через пару секунд выгнуться дугой и с криком «да!» оторваться от меня и обрушиться затылком в окно, всегда запотевшее от наших температур.

Мы были безупречны. Ей – 19, мне – 27. Она юная, совсем

нетронутая, целомудренная девочка. Я на пике своего штопора: на завтрак гранатовый сок и кокаин, на обед – кокаин и виски, на ужин – кокаин, виски и гранатовый сок. Постоянно поддерживая в себе ровный градус накала, я жил на износ. Широкие жесты, рискованные поступки, безбашенные выходки, которые я зачастую не помнил вообще, – видимо, во всем этом была своеобразная героика молодости. Молодость в итоге меня и спасла, и только благодаря ей я сейчас пишу эти строки.

В то время вся жизнь так или иначе состояла из жидкостей, и все они обрушивались океанами: алкоголь-сперма-женщины-мужчины-поцелуи-стихи-концерты-компании-наркотики-любовь-измены-ненависть-книги-пластинки-бесконечные дожди и град пота во время танцев в ночных клубах. Из окна отеля вылетал итальянский стул, ударялся о платан и разбивался в щепы. Мы валялись на полу, умирая от хохота, а в номер истерически стучал менеджер отеля. Обычно дверь открывал очередной спонсор кутежа, торговался, и из окна летел второй стул. Килограммы ягод смешивались в кровавое пюре на моих ладонях, которыми я расписывал стены отельных номеров, превращая их в одно громадное фантасмагорическое полотно. Бывало, за одни сутки мы меняли несколько номеров, требуя переселить нас в чистый из уничтоженного за пару часов до этого.

Во мне жил демон разрушения. Он резвился с утра и до

утра, убивая клетки и все, к чему прикасались мое тело и сознание. Я, по сути, был его первой и самой сладкой жертвой. Он бесконечно жонглировал моим настроением и желаниями, позволяя мне краткий и рваный сон, больше похожий на забытие. Ночи не было. Утро съедали глухие шторы. Я будто находился в вечных сумерках, без попытки увидеть солнце. Постоянно на взводе, готовый казнить, миловать и тут же опять казнить. Постоянно на пике своего взвинченного состояния. Изо дня в день предпринимающий все меры для того, чтобы не рухнуть с вершины, низвергнувшись в наркотический отходняк, и погрузиться в депрессивный суицидальный приход. «Смейся, и весь мир будет смеяться вместе с тобой, плачь – и ты останешься один», – сказал О Де Су, герой корейского триллера «Олдбой». В какой-то момент я четко понял, насколько правдива эта фраза. Я очень боялся остаться один и, чтобы не заплакать, целыми сутки хохотал до изнеможения, а мир кружился вокруг меня чередой лиц и компаний.

Она наблюдала за этим, не осуждая, но и не принимая участия. Она следовала за мной везде, оставаясь спокойной и приветливой к тем, кто нас видел вместе. Она всем нравилась. Мои друзья хотели общаться с ней, улыбались ей за редкими завтраками. Она была очень легкой, практически невесомой. Она не оставляла следов и, двигаясь бесшумно на своих нереально красивых длинных ножках, дарила всем нам ощущение юности и бесконечного счастья. Ей нужно бы-

ло родиться в Америке в 20-е годы – она нашла бы себе красавчика из мажоров, и жизнь состояла бы из кадров фильма «Великий Гэтсби». Но она родилась век спустя в Праге, и черт его знает, повезло ей в этом или все же нет. Она была очень преданной и самоотверженной. За два десятка лет она поняла о мире то, что для меня было скрыто еще на многие годы. Ей как-то удавалось быть маленькой, но при этом мудрой и взрослой. Обычно она писала свои полотна, стоя напротив холста в моей рубашке, прищурившись, свободная, невесомая и нежная, оценивая то, что у нее получается, и чуть улыбаясь. Она любила улыбаться, и, вспоминая о ней, я в первую очередь видел именно ее улыбку. При взгляде на нее мне всегда казалось, что она была тем самым ребенком, который вышел из материнской утробы без боли и с радостным желанием познакомиться с миром. Он лежал у ее ног, огромный, приветливый и безопасный. Ничто не могло обидеть ее, никто не мог доставить ей боль. Я был первым взрослым, после родителей, человеком, которого она глубоко полюбила. А для меня наша близость, наш секс, ее стоны и негасна были крошечной форточкой в мир нормальных людей и поступков. Мир, где есть чувства, время суток и запах вкусной еды. Где ходят в гости, чтобы пообщаться и, возможно, выпить вина, а не наоборот.

Пока я лежал на ней, обнимая ее влажные лопатки, вдыхая запах ее соков, мне казалось, что все наладилось. Мне казалось, что я стал здоров и завтра начнется новая, полно-

ценная, счастливая жизнь. Я шептал ей, что мы поженимся, что она нарожает мне детей, она шептала: «Я согласна, любимый», а я возбуждался, перекачивался, наваливался сверху и брал ее уже как свою жену, сильно, с полным правом оставляя в ней свое семя. Потом она засыпала у меня на плече, а я лежал, изнемогая от панической атаки, и в итоге сдавался, вставал и наливал себе виски. К утру я был пьян и раздражителен, понимая, что опять начинается муторный день, которому я не в силах противостоять.

Теперь, когда я это пишу, все, что было со мной еще десять лет назад, кажется чужой историей. Будто я подсматривал за кем-то, изо всех сил желая, чтобы это было моей историей. Но происходящее непрерывное безумие тех лет было именно моей, а не чьей-то подсмотренной жизнью, которая парадоксальным образом не оставила в настоящем видимых следов и последствий. Я не знаю, как мне удалось выжить. Моя нервная система искорежена, психика изломана, но я умудряюсь выглядеть убедительно. К тому же в итоге мне таки удалось завязать с допингами. От прошлого остались только лихие рассказы о подвигах, которые уже явно не повторить – нет ни сил, ни вкуса, ни желания срываться в ночные рейды и танцы на крыше моего убитого джипа. Прошлое таится в бессонных ночах, подстерегает меня, неизбывной тоской впиваясь в горло, когда я курю перед сном. Прошлое чернеет татуировками на запястьях и пахнет застоявшимся

запахом чужих гостиных.

Я оставил ее резко. Просто уехал, и все. Не написал, не попрощался, не объяснился. Я вел себя, как животное, во всем и со всеми. Она не стала исключением. Мне рассказывали, что она очень достойно вела себя, загнанная в клетку разбитого вдребезги сердца. Она ни разу не написала мне, ни разу не позвонила, не задала ни одного вопроса. Она будто растворилась в солнечном потоке, состоящем из крупинок пыли и света. Говорили, что она уехала в Прагу и жила там несколько лет. Говорили, что она страдала и чудом справилась.

Мы встретились прошлой весной. Она повзрослела, но для меня не вполне очевидно. Она стала обворожительной женщиной, а ее аромат – еще более глубоким и настоящим. Теперь она не была такой молчаливой, как в юности, и могла ответить довольно резко, но делала это так же легко, невесомо и безобидно, как тогда. Мы долго гуляли по улицам. Она была напряжена, но приветлива. Я видел ее смущение, смущался сам, но чувствовал, что мы очень рады друг другу. Я не смог спросить, простила ли она меня за то, что все так внезапно и бесславно закончилось. Я не смог спросить, кто был с ней после меня и, разумеется, сколько их было вообще. К тому же ревности к ее жизни без меня я не испытывал вообще. После прогулки по улицам я проводил ее домой. У подъезда она предложила мне подняться. Мы оба испытали неловкость, но я почему-то согласился. Мы зашли в ее ма-

ленькую уютную студию, она включила Лану Дель Рэй и налила мне чаю. Глубокой ночью мы сидели за столом, абсолютно состоявшиеся в наших жизнях и абсолютно трезвые. Мы курили в открытое окно, и я понимал, что сейчас могу все начать заново. Достаточно было взять ее руки и положить их себе на плечи. Я чувствовал, что она понимала, что может случиться, боялась, но хотела этого. Один шаг, и равновесие, так старательно выстраиваемое ею, могло рухнуть, как будто и не было всех этих лет.

Табак тлел. Ночь текла между нами в пустоту уходящего времени, а мы оставались неподвижны. Было спокойно и хорошо, и уйти было бы самым правильным. Нельзя было обидеть ее еще раз. Я смотрел на нее и понимал, что дороже этой девочки у меня никого не было. Что никто, ни до, ни после нее, не относился ко мне так преданно и бескорыстно. И я не знал, как все исправить. «Прости меня» говорить было поздно. Да и вины я, по сути, не чувствовал, зная, что, верни все обратно, ничего не смог бы изменить. Поэтому я встал и начал прощаться. По серому коридору в репродукциях картин Моне мы дошли до входной двери, и в этот момент она впервые за всю историю наших отношений сама взяла мое лицо в свои ладони и нежно начала целовать виски, щеки, шею, а потом был поцелуй в губы. И я понял, что она по-прежнему любит меня и простила. И благодарность, смешанная с восхищением, затопила мое сердце и сделало его таким же мягким, каким оно было много лет назад под слоем цинизма и

вероломного отношения к миру.

Любовь, если это действительно любовь, не оставляет ран и дарит крылья. И остаются запах гречневых хлебцев, и томные, чуть свадебные песни Ланы Дель Рэй, и девичьи коленки на подоконнике, и наши поцелуи в колодцах летних дворов. А самое главное, остается надежда на то, что все можно повторить. Но уже не в этой жизни, а в следующей, когда мы встретимся еще раз и полюбим друг друга.

Если, конечно, узнаем.

давайте почитаем данте

Меня зовут монстром. Я не против и воспринимаю это комплиментом. Мне восемьдесят семь лет, и я наконец достиг гармонии и совершенства. Я живу один. Ничего не беспокоит меня. Я читаю Макиавелли, Гете и Достоевского. Недавно проштудировал Маркса и еще раз прочитал бедолагу Гитлера. Моя библиотека велика. Чтения хватит до последнего дня жизни.

Я доволен состоянием своего организма и интеллекта. Я безмятежен и все это пишу исключительно из сострадания к живущим. Я чувствую, что передо мной открывается новая дверь, и я должен сделать все, чтобы не захлопнуть ее перед своим носом.

Подобно пальцам в слоеное тесто, я погружаюсь в бездны себя. Мне отчасти боязно, немного тревожно, но очень любопытно, что же там в глубине. Вообще – сколько во мне метров, какая топография лестничных пролетов, какого цвета стены. Мое сознание стремится внутрь клеток. Я вонзаюсь в сплетения мышц в предплечьях и коленях. Все это синего цвета и с красными прожилками сосудов.

Меня не интересует кровь. Она изучена. Я знаю ее состав, вкус и вектор течения по моим венам. Температура крови – вот что самое непонятное и феноменальное. Горячая кровь

– стереотип. Плод наших эмоций. Кровь теплая, но не знакомой нам комнатной температурой, а теплая бесплодно и формально.

Вообще говоря, мы сделали все, чтобы романтизировать эту странную жидкость. Понятно, что от нее зависит наша жизнь. Но вряд ли, боясь лишиться жизни из-за потери крови, мы сделали ее такой красивой, могучей и сильной. «Горячая кровь», «любить до разрыва аорты», «кровь бурлит фонтаном», «любить до потери крови» – все эти метафоры не более чем область наших эмоций. В настоящем же все намного проще и банальней. Страдаем мы не из-за крови и ее поведения в нас, а из-за гормонов и нервных, слабо восстанавливаемых, клеток. И в это верю не меньше, чем в Бога.

Мы зависим от еды, воды и сна. Умереть от любви удастся единицам. Да и это абсолютно высокопарное заключение. Сентиментальная романтическая чушь. Мы разрушаем нервную систему и тем самым провоцируем падение иммунитета, что, в свою очередь, ведет к болезням, инфекциям и в итоге – к разрушению внутренних органов.

Умереть от любви – пафосная, бездарная, невежественная фраза.

Источник наших бед и терзаний в нашем непомерном эго. Не зря монахи безмятежны и живут век. Перестаньте реагировать на все, что имело для вас, как вам казалось, самый большой смысл, и станете неуязвимы. Поймите, наконец, что в мире есть одна абсолютная любовь – любовь к вам вашего

Бога. А мама? А отец? Ужасно, но они – люди, гипотетически способные на невероятную к вам жестокость. Вспомним брошенных младенцев и избитых матерями детей. Родитель – не гарант безусловной любви. От природы в нас нет такого инстинкта. Есть материнский, но он, как и наша природа, не совершенен.

Мы заточены на то, чтобы выбрать себя, а то, что останется после, в зависимости от степени добродетели, отдать другим.

Как правило, мы насыщаемся, прячем остаток «на черный день» и только после этого отдаем другим крошки с нашего стола, называя это словом «благотворительность». И мы горды собой, и мы трубим о том, как помогли бедному мальчику из Сенегала или инвалиду из Украины. И чем богаче человек, тем менее охотно отдает, что абсолютно естественно, ибо быть нищим и отдавать – гораздо проще из-за отсутствия вкуса накопления и инстинкта выживания, который чем богаче человек, тем более в нем развит.

Быть вместе в горе – невелик подвиг. Напротив, счастье и успех разобщают людей. Примеров гора. Даже не буду отвлекаться и приводить их – заблудимся в запятых.

Оговорюсь: все, что я здесь излагаю, относится к 90 процентам рода человеческого, тем, кто не смог усмирить свой эгоизм и вовремя отказаться от эмоций. Нас – таких извращенцев – большинство. И потому все мы вместе варимся в отвратительном вонючем бульоне чувств. Вот где темпера-

тура бодрит и не оставляет шансов на уютненькое, тепленькое, красненькое, текущее внутри нас. В котле кипяток. И он сводит с ума наши нервы, немо орущие пощадить. Но мы не слышим. Нам позарез надо. Надо завоевать, уложить в постель, а потом вознестись и начать охранять завоеванное.

Помилуйте, господа, зачем? Представим на минуту, что любви нет – нет такого чувства в принципе, не предоставлено оно нам природой, не предложено в меню, и все становится прекрасно. Мир воцарился бы на земле, ибо все войны и уничтожение человеческого племени – из-за нее.

Какие деньги? О чем вы? Какие новые земли? Украсть Елену Прекрасную, проживающую на территории чужого государства, ее не отпускающего, – вот это да. В этот мотив я верю. Именно девичье тело заставляет нас брать ружье, идти врукопашную и драться до этой самой теплой крови во рту.

Ну нет, скажете вы, любовный мотив блекнет перед желанием власти. Серьезно? А что такое власть? Не иначе как желание подавлять, подчинять и, в случае непокорности, уничтожать человека. Иными словами, брать силой. И это та же любовь, тот же мотив, тот же завуалированный секс. Нет? Откройте гугл и напишите в нем невзрачное слово «порно». Наглядное пособие по любви с четкими инструкциями, состоящими из подавления и грубости.

Увы, любовь продается и покупается. И, как правило, не дорого.

Но представьте, что любви нет и не было никогда. В ре-

естре чувств нет слова «любовь». Поверьте в это, и вы мгновенно становитесь неуязвимым. Вы превращаетесь в Бога, ибо только ему дана безмятежность жизни, и страдает он от того только, что видит нас, диких варваров, уничтожающих то, что дано нам тайной рождения. Ему испокон веков было стыдно за нас, начиная с момента, когда мы прибивали его руки к кресту. И если все это – не больше чем теология, то как зовут гения, который, зная наизусть нашу отвратительную дешевую природу, написал Библию и озвучил нам наши антигуманные перспективы развития?

Любви нет. Есть желание завоевать. И когда ты понимаешь этот механизм и больше не ведешься на романтические бредни, высасывающие из твоего организма жизненно важные соки, убивающие твою нервную систему, когда ты живешь рационально и при том не попирая заповеди божьи, когда ты уважаешь тех, кто рядом, но более не вовлекаясь в перестрелки ярости и хитрости, когда тебе действительно все равно, когда тебе все одинаково подходит, у тебя появляется шанс стать счастливым. Ибо ты выздоравливаешь и все свои силы направляешь на строительство своей жизни и на свою работу. В этот момент ты становишься поистине несокрушимым.

Я был такой же, как вы, и даже хуже, ибо из-за своего непомерного эго 70 лет провел в бульоне чувств, разрушая себя с незаурядным азартом и настойчивостью.

Из-за так называемой любви я реализовал свой талант максимум на тридцать процентов. На дне я не оказался не из-за собственной добродетели, а из-за мощной генетики, данной мне природой. Не будь ее, не было бы этого письма, потому что моя глупость и слабость были непомерны. Мерзкое желание завоевывать человеческие души было огромным. Восходя по лестнице постоянных побед и обломов, мне нужно было все больше и больше. Я пробовал все наркотики мира, но ни один из них не равен самому главному – тщеславию и завоеванию человеческой души.

Я отчаянно нуждался в страданиях и упивался, видя, как гибнут люди, попавшие в мои сети. Я играл без оглядки, играл себе в ущерб, не понимая, глупый мальчишка, что плеть попадет и на мою спину.

С каждым ударом я становился все циничней и мерзостней, придумывая, как обойти и завлечь в ловушку новую жертву. Жертв всегда было две: новый человек и я сам. Неизвестно, кто страдал больше. Думаю, бой был на равных. И когда человек был повержен, я был уничтожен вместе с ним. Почитайте и осознайτε, какой это порочный круг и как омерзительно глупо жить одними и теми же эмоциями, теряя годы и пуская под откос нервные клетки.

Менялись имена, суть оставалась той же, и на каждой ступени меня сторожил дьявол, подталкивая к новому порочному кругу. Круги становились все уже, а новые жертвы все гаже. И глупость заключалась не столько в однообразии уда-

ров полена по лбу, сколько в неосмотрительности. Я слишком откровенно вел себя, слишком открывался в желании завоевать и подставлял себя под удар. И весь этот балаган происходил под девизом «Великая Любовь». И вот, наконец, я достиг пика, встретившись с таким же омерзительным подлецом.

Это была женщина. Хитрая и изворотливая, циничная и беспощадная. Я увидел ее сразу, но, уверяя себя в том, что моя интуиция дает сбой, все глубже вовлекал себя в дьявольскую воронку. Объект моей новой страсти оказался непомерно жестоким. Для нее не существовало границ и морали. Она шла по трупам, наслаждаясь риском замараться в крови, и с успехом выкручивалась из любой порочащей ее истории. Необузданное желание подавлять и завоевывать проявилось в ней в максимальном виде и росте. Она моментально вступила в игру со мной, и, о боже, каких только писем не было нами написано! Эти подвиги в эпистолярном жанре до сих пор вызывают во мне восхищение и трепет. Мы играли на равных, она была достойным противником. Красивым, велеречивым и хитрым.

Я не заметил, как по-настоящему влюбился. Помню ощущение бестелесной хрупкости, которая настигала меня каждый раз, когда я обнимал ее. Помню впервые возникшее желание защитить ее от жестокого мира. Господи помилуй, скорее мир нуждался в защите от нее!

Помню, как волновался, собираясь к ней на свидания,

помню размер ее пальца, для которого я нашел кольцо, помню, как сделал предложение, и помню, как она согласилась.

Вам, конечно, интересно, что было дальше? Уверен, вы думаете, что она меня бросила, изменила, ушла. Нет, господа. Это было бы слишком просто. Она, к сожалению, вышла за меня. И я стал ее рабом.

Я мог делать, что хочу и с кем хочу. Я был абсолютно свободен. Но беда в том, что кроме нее я никого не видел и не хотел. Она – напротив. О, если бы ей нужны были измены и секс с другими, все было бы намного проще и закончилось бы быстро. Но секс в общепринятом значении ей вообще был мало интересен. Ее интересовали души. Именно завладев ими, она достигала пика удовлетворения. Без малейшего стеснения передо мной она пленяла новую жертву. Не проходило месяца, как на нашем пороге возникал новый несчастный, который был готов на все. Ее дико забавляла моя реакция, когда я открывал дверь и представлялся. При этом она абсолютно не ревновала меня. Я мог трахать любую женщину. «Только, пожалуйста, так, чтобы я не знала. И после секса хорошо помойся, дорогой, ты же знаешь, насколько я брезглива», – говорила она.

Я жил с женщиной, которая кроме себя никого не любила и не собиралась любить. А как же я? Я был ей удобен, как платяной шкаф или автоматические жалюзи, дающие свет по утрам. Она относилась ко мне, как к деревьям в нашем саду, равнодушно и ровно.

Сколько бессонных ночей я провел в машине, нарезая круги по городу. Меня рвало от отчаянья. К тому моменту я уже понимал, что ничего не изменится. Детей у нас нет и не будет – «Я еще не совсем сошла с ума портить свое тело», животным путь был тоже заказан – «Ты вообще себе представляешь, сколько микробов у них в шерсти? А эта ужасная вонь?». Друзей у нас просто не было. Максимум ее деловые партнеры, расхаживающие по террасе с бокалом шампанского. Наши родители уже ушли к праотцам.

Ситуация ухудшалась тем, что мы жили в огромном доме. Во дворе можно было запросто играть в футбол, и я часто мечтал о том, как наш неродившийся сын приглашает в гости друзей, и они носятся по траве до позднего вечера, пока мяч окончательно не сольется с темнотой. В бассейне можно было полноценно заниматься плаванием, что я и пытался делать, впрочем, весьма нерегулярно и бестолково. Чаще всего я сидел на бортике, грустно смотря в окно, за которым чудесным пологом сбегала вниз широкая сочно-зеленая равнина, заканчиваясь пыльной белесой лентой проселочной дороги.

В нашем доме постоянно дули сквозняки. Я зяб. В любое время года, будь то испепеляющий июль или морозный декабрь, я включал все обогреватели и кондиционеры. Она злилась. Ей всегда было жарко. А мне было холодно даже в постели под одеялом.

Я понимал, что моя душа попала в капкан. Я чувствовал себя Моисеем, которому уготовано в одиночку скитаться по

пустыне, но отнюдь не 40 лет и вовсе не для того, чтобы сплотить великий народ. Бессмысленность моей жизни переходила всяческие границы. Я не мог уйти от нее, зная, что через два дня начну жестоко тосковать, но оставаться с ней было все тяжелее.

Меня спасла она сама. В один классически-мерзкий ноябрьский вечер зазвонил телефон. Ее, как всегда, не было дома, а я, как всегда, сидел у себя в кабинете и читал. Звонили из полиции. «Ваша жена у нас. Вы можете забрать ее». – «Что случилось?» – «Она попала в аварию. Пассажир и водитель мертвы». Я оцепенел. «Что с моей женой?» – «Она жива и не пострадала».

Я не помню, как несся по лужам, как бежал по ступенькам. Я ожидал увидеть ее несчастную, испуганную, сломленную. Она сидела в маленькой комнате и нервно курила. «Ну наконец-то! Почему так долго?» – «Я приехал, как только позвонили. Ты можешь идти?» – «Конечно. Я не пострадала».

В машине по дороге домой она молчала, и только когда я сбросил скорость перед усыпанной гравием дорожкой сказала: «Кстати, по страховке нам ничего не дадут. Машина в хлам. Думаю, не стоит даже пытаться ее отремонтировать». «Ты жива, и это самое главное!» – закричал я. «Да, это самое главное, – кивнула она. – Но тело Алекса было таким тяжелым, и потом еще было столько крови, и этот его маскулинный парфюм Boss... Ох, как все это ужасно. Я же брезгли-

вая, как ты знаешь». «При чем здесь тело Алекса?» – опять закричал я. Шок отпускал. Начинался тремор. «Я сильно разогналась. Было скользко. Нас занесло. Мы вылетели на встречу. Я, понятно, пыталась затормозить, но нас уже крутило, а потом бетонное ограждение. Ужас, короче». – «Постой, так он же был за рулем». «За рулем была я, – она вскинула на меня глаза. – Он сидел сзади. И, кстати, когда мы врезались, еще примерно часа два был жив. Ты можешь себе представить, мне пришлось ждать гребаных два часа, когда он умрет, чтобы вызвать службу спасения! Я молчу о том, как тяжело мне одной было его вытащить с заднего и запихнуть на водительское место». «В смысле???» – я до сих пор не понимал, хотя уже начинал. «Что значит в смысле? Ты, может, хочешь, чтобы я села лет на десять, угробив двух человек? Принеси вина, хочу выпить в машине».

Ожившим роботом я сходил в дом и вернулся с бутылкой. Она отпила глоток. «Какое хорошее вино... Коллекционное... Это сразу чувствуется. Все-таки классно, что я настояла тогда и мы купили целый ящик, а не как ты хотел, пару бутылок», – улыбнулась она. Я сидел и молча смотрел на нее. Произошедшее становилось все более и более понятным. «И что было дальше?» – «Что было дальше? Слава богу, Мария умерла мгновенно. Не знаю, что бы я делала, если бы был свидетель. А Алекс сильно разбил голову и что-то сломал внутри. Когда он еще дышал, там что-то булькало, я слышала. Трогательный парень, кстати, когда я усаживала

его на мое место, он даже помогал мне запихивать ноги и пытался ставить их на педали, ну, ты помнишь, он же был двухметровый мужик. Он, кстати, сразу просек, что будет дальше, и перед смертью все шептал: детей не бросай, пожалуйста, не бросай детей. Ну ясно, мы им поможем. Штук двадцать, думаю, будет нормально».

Я оцепенел. Помню, кровь отлила не то что от лица, она будто вообще куда-то делась, и во мне остались только кости и мышцы. Изо всех сил пытаюсь сдерживаться, я спросил: «То есть он был еще живой?» «Я же тебе сказала, он был жив пару часов, и я, кстати, очень замерзла, пока ждала, когда он наконец умрет. Пока тащила его на водительское, было тепло, а потом машина стала остывать, слава богу, у меня оставался коньяк и я нашла сигареты у него в куртке».

Я без преувеличения охуел. А еще мне стало страшно. «Ты чего сидишь такой испуганный? Со мной все хорошо», – она потянулась ко мне и погладила по щеке. Ладонь была теплой и пахла табаком и железом. «Я не понял, почему ты оставила его умирать, почему ты не вызвала скорую???»

«Да блядь!! – И тут ее взорвало. – Ты, может, действительно хочешь, чтобы я села? Двойное убийство! У меня же конференция через две недели, и летом лететь на саммит в Японию. Ты что, тупой, не понимаешь, что тюрьма – это все?? Ну понятно, мне неудобно, я переживаю, что так вышло. Все эта гребаная работа, устаю как бобик, вот и расслабляюсь за рулем». «Так они же люди, такие же люди, как мы с тобой.

Были такими же людьми». – «Такие же люди, как мы? Ты что, шутишь? Да кому он был нужен, кроме жены и троих детей? Сравнил тоже. Хороший человек, повторяю, я ему очень благодарна, мог бы выносить мне мозг, когда умирал, но настоящий мужик – сдерживался, хотя ему явно было больно. Переломы внутренние, как потом сказали. Он даже успел сказать мне спасибо, когда я сказала, что не брошу его пацанов».

Я почувствовал, что плачу. «Милый, ну чего ты плачешь, я понимаю, ты перенервничал, но со мной ведь все хорошо, все обошлось, сейчас ляжем в постель, я дам тебе, – она прикусила нижнюю губу. – И я тебя поцелую, как ты любишь». Я рыдал. «О-о, какой ты у меня тонкий и ранимый», – она попыталась вытереть лицо. Я отшатнулся. «Слушай, правда, хватит, я устала. Все, догоняй».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.